

По делу «Смирнов против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция) в ходе заседания Палаты в составе:

г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Европейского Суда,*

г-на А. Ковлера,

г-жи Э. Штейнер,

г-на Х. Гаджиева,

г-на Д. Шпильманна,

г-на С.Э. Йебенса,

г-на Дж. Малинверни, *судей,*

а также при участии г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Европейского Суда,*

проведя 15 мая 2007 г. совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 71362/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Михаилом Владимировичем Смирновым (*далее* — заявитель), 27 ноября 2000 г.
2. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) в Европейском Суде представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. В своем обращении в Европейский Суд заявитель утверждал, в частности, что властями по делу было допущено нарушение права на уважение его жилища и права на беспрепятственное пользование своим имуществом, что касается факта обыска, произведенного по месту его жительства, и изъятия принадлежащего ему компьютера. Заявитель также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на изъятие компьютера.
4. Своим решением, вынесенным 30 июня 2005 г., Европейский Суд объявил жалобу частично приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СМИРНОВ ПРОТИВ РОССИИ»

[SMIRNOV V. RUSSIA]

(жалоба № 71362/01)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

7 июня 2007 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Постановление вступило в силу 12 ноября 2007 г.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Санкт-Петербурге. Заявитель является адвокатом; в период времени, фигурирующий по делу, он был членом Санкт-Петербургской объединенной коллегии адвокатов.

А. Обыск в доме заявителя

6. 20 января 1999 г. прокурор г. Санкт-Петербурга возбуждал уголовное дело № 7806 в отношении г-на Ш., г-на Г. и пятнадцати других лиц, которые обвинялись в создании преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем, а также в совершении других тяжких преступлений.

7. 7 марта 2000 г. г-н Д., следователь управления по расследованию особо важных дел прокуратуры г. Санкт-Петербурга вынес постановление о производстве обыска, полный текст которого гласил следующее:

«Принимая во внимание, то обстоятельство, что по месту жительства [заявителя] по адресу [домашний адрес заявителя] могут находиться предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу [№ 7806], постановил произвести обыск жилых помещений по адресу [домашний адрес заявителя], где постоянно проживает [заявитель], и выемку предметов и документов, обнаруженных при производстве обыска».

8. В тот же день заместитель прокурора г. Санкт-Петербурга санкционировал обыск и утвердил постановление следователя.
9. Государство-ответчик утверждало, что заявитель не был участником уголовного дела № 7806 и не представлял интересы никого из участников или привлеченных к ответственности по этому делу. Заявитель же в своих представлениях Европейскому Суду утверждал, что он был представителем:
(а) г-на С., который сначала был подозреваемым, а затем свидетелем по уголовному делу № 7806. 21 февраля 2000 г. заявитель представлял интересы г-на С. в

От редакции. По делу заявитель, адвокат по профессии, в своем обращении в Европейский Суд утверждал, в частности, что властями было допущено нарушение права на уважение его жилища и права на беспрепятственное пользование своим имуществом, что касается факта обыска, произведенного по месту его жительства, и изъятия принадлежащего ему компьютера. Заявитель также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на изъятие и удержание властями компьютера. Суд отметил, прежде всего, что, изъяв документы и компьютерные файлы данных о доверителях заявителя, власти нарушили принцип охраны адвокатской тайны. Европейский Суд счел, что обыск, произведенный без достаточных оснований и в отсутствие гарантий против нарушения адвокатской тайны на квартире заявителя, который не обвинялся в совершении какого-либо преступления, не был «необходимым в демократическом обществе». Не счел Суд, что у заявителя имелось эффективное средство правовой защиты в отношении обжаловавшихся им решений и действий следственных органов. Суд единогласно установил, что по данному делу властями было допущено нарушение требований трех статей Конвенции.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

Октябрьском районном суде г. Санкт-Петербурга при рассмотрении жалоба на постановление, вынесенное следователем Д. Заявитель также был представителем С. по гражданскому делу, не имеющему отношение к указанному уголовному делу, на основании ордера от 25 мая 1999 г.;

(b) г-на Ю., который был обвиняемым по уголовному делу № 7806, и интересы которого заявитель представлял в период с 10 июля по 25 декабря 1998 г.;

(c) г-на Б., который был потерпевшим по одному уголовному делу об убийстве его сына. Впоследствии это дело было соединено в одном производстве с уголовным делом № 7806. Заявитель представлял интересы г-на Б. в период с 11 февраля по 23 марта 2000 г.;

(d) г-на Ш., который был обвиняемым по уголовному делу № 7806 и интересы которого заявитель представлял в Европейском Суде (жалоба № 29392/02).

10. 9 марта 2000 г. следователь Д. в присутствии заявителя и при содействии сотрудников регионального управления по борьбе с организованной преступностью, в присутствии понятых произвел обыск квартиры заявителя. Согласно протоколу обыска заявителю было предложено «добровольно выдать <...> документы, относящиеся к деятельности открытого акционерного общества “Т.” и федеральной финансово-промышленной группы “Р.”». Заявитель ответил, что у него не было таких документов, и подписал данное показание.
11. Следователь обнаружил и изъял более двадцати документов, о которых заявитель сказал, что они были его собственные, а также центральный блок компьютера заявителя. Согласно записи в протоколе обыска, у заявителя не было жалоб на то, как был произведен обыск, тем не менее он возражал против изъятия центрального блока компьютера, поскольку в нем имелось два жестких диска, и он стоил 1000 долларов США. Изъятые в ходе обыска документы включали, в частности, доверенность, выданную заявителю г-ном С. и датированную 25 мая 1999 г., а также выдержки из процессуальной записки заявителя по делу, в котором участвовал г-н Б.
12. В тот же день следователь Д. провел официальный допрос заявителя в связи с уголовным делом № 7806.
13. 17 марта 2000 г. следователь Л. вынес постановление о наложении ареста на документы, изъятые в квартире заявителя, и на центральный блок его компьютера как на «вещественные доказательства» по уголовному делу № 7806.

В. Судебная проверка законности и обоснованности постановления о производстве обыска и выемки

14. Заявитель обжаловал в судебном порядке произведенные у него на квартире обыск и выемку. Он ходатайствовал о признании незаконными произведенные у него на квартире обыск и выемку документов. Заявитель утверждал, в частности, что центральный блок компьютера, его личная записная книжка и материалы, связанные с его доверителями, не имели отношения к уголовному делу, и на них нельзя было налагать арест как на доказательства, потому что их изъятие нарушало права его доверителей на защиту.
15. 19 апреля 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел жалобу заявителя. Суд установил, что обыск был санкционирован и произведен в соответствии с действующими нормами российского законодательства, и потому обыск был законным. Что касается наложения ареста на компьютер, то суд постановил следующее:

«<...> цель обыска состояла в том, чтобы отыскать предметы и документы, могущие иметь значение для уголовного дела. В ходе производства обыска были изъяты ряд документов и центральный блок компьютера; они были тщательно осмотрены следователем, как это следует из протокола осмотра изъятых предметов и распечаток файлов, хранившихся в памяти центрального блока компьютера.

Соответственно, вышеуказанное свидетельствует, что цель обыска была достигнута; однако, постановление о наложении ареста на изъятые предметы и документы в качестве доказательств по уголовному делу приравнивается к конфискации имущества [заявителя], которое было изъято у него и не возвращено, тогда как заявитель не был ни подозреваемым, ни обвиняемым в уголовном деле, а допрашивался в качестве свидетеля.

При таких обстоятельствах конституционные права заявителя, который был лишен своего имущества, были нарушены. Достигнув цели обыска и запротоколировав полученные результаты, следователь без каких-либо веских и законных оснований объявил [имущество заявителя] вещественными доказательствами <...>».

16. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил, чтобы документы заявителя, его записная книжка и центральный блок компьютера были заявителю возвращены.
17. 25 мая 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отменил постановление Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга, вынесенное 19 апреля 2000 г., и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Санкт-Петербургский городской суд указал, что суд первой инстанции ошибочно оценил постановление следователя о наложении ареста на изъятые при обыске предметы как свидетельство конфискации имущества заявителя.
18. 6 июня 2000 г. следователь возвратил заявителю записную книжку и определенные документы, но компьютер заявителю возвращен не был.
19. 2 августа 2000 г. заявитель обратился в суд с гражданским иском против прокуратуры г. Санкт-Петербурга и Министерства финансов Российской Федерации с требованием выплатить компенсацию за моральный вред, причиненный ему в результате изъятия принадлежащего ему имущества.
20. 17 августа 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга провел новое заседание по рассмотрению жалобы заявителя. Суд постановил, что обыск квартиры заявителя был произведен на законных основаниях, а жалобу заявителя в остальных пунктах признал не подлежащей судебной проверке.
21. 12 сентября 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отменил постановление Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга, вынесенное 17 августа 2000 г., и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Санкт-Петербургский городской суд установил, что суд первой инстанции не изучил — с достаточной тщательностью — вопрос о том, имелись ли у следователя достаточные основания для производства обыска в квартире лица, которому не было предъявлено обвинения в совершении какого-либо преступления.
22. 17 ноября 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга вынес окончательное постановление по жалобе заявителя. Что касается вопроса о законности обыска, суд установил следующее:

«Постановление о производстве обыска было вынесено потому, что имелись достаточные основания полагать, что [по домашнему адресу заявителя] где проживал заявитель,

могли находиться предметы и документы, которые могли быть использованы в качестве доказательств в связи с одним эпизодом в уголовном деле № 7806. Это обстоятельство установлено судом и подтверждается материалами дела, в частности, показаниями следователя Д. от 16 ноября 2000 г., постановлением о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу от 22 февраля 1999 г., постановлением об обращении за продлением сроков заключения под стражу от 10 июля [? — неразборчиво] 2000 г., письмом № 200409 от 22 сентября 1998 г. и другими материалами; поэтому суд приходит к выводу, что обыск в квартире [заявителя] был произведен в соответствии со статьей 168 Уголовно-процессуального кодекса РФ <...>».

23. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга далее установил, что обыск был произведен в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Что касается остальных требований заявителя, то суд решил, что он был неправомочен рассматривать их, но указал, что заявитель был вправе обжаловать решения следователя надзирающему прокурору.
24. 19 декабря 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отклонил кассационную жалобу заявителя. Суд оставил в силе вывод Октябрьского районного суда о том, что обыск в квартире заявителя был обоснованным и был произведен в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства и что постановление следователя о наложении ареста на изъятие при обыске предметы не подлежало обжалованию в судебном порядке, поскольку таковое не было предусмотрено в национальном законодательстве.
25. Гражданский иск о взыскании компенсации за моральный вред, предъявленный заявителем, до сих пор не рассмотрен.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Производство обыска в жилище гражданина

26. Статья 25 Конституции Российской Федерации устанавливает, что жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.
27. Статья 168 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹ («Основания для производства обыска») предусматривала, что следователь производит обыск для отыскания предметов или документов, могущих иметь значение для дела, при условии, что у него имеются достаточные основания полагать, что такие предметы и документы находятся в каком-либо конкретном помещении или у какого-либо конкретного лица. Обыск мог производиться по мотивированному постановлению следователя и только с санкции прокурора.
28. При обыске и выемке должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск или выемка, либо совершеннолетних членов его семьи. При производстве выемки или обыска обязательно также присутствие понятых (статья 169 УПК РФ). В качестве понятых могли быть вызваны любые не заинтересованные в деле граждане. Понятой обязан был удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых он присутствовал. Понятой вправе был делать замечания по поводу произведенных действий. Замечания понятого подлежали занесению в протокол обыска (статья 135 УПК РФ).

29. Жалобы на действия следователя подавались прокурору непосредственно либо через следователя, на действия которого жалоба приносилась. В последнем случае следователь обязан был в течение двадцати четырех часов направить поступившую жалобу вместе со своими объяснениями прокурору (статья 218 УПК РФ). Прокурор в течение трех суток по получении жалобы обязан был рассмотреть ее и уведомить заявителя о результатах рассмотрения (статья 219 УПК РФ).
30. 23 марта 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что решения и действия следователя или прокурора, связанные с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования могут быть обжалованы в судебном порядке лицами, конституционные права которых нарушены в ходе предварительного расследования.

B. Вещественные доказательства

31. Статья 83 УПК РФ определяла вещественные доказательства как любые «предметы, которые <...> сохранили на себе следы преступления <...> и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого».
32. Вещественные доказательства должны были храниться до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении дела. Однако вещественные доказательства быть возвращены их владельцам и до истечения установленных, если это возможно без ущерба для производства по делу (статья 85 УПК РФ). В приговоре, определении или постановлении о прекращении дела суд должен был распорядиться о возвращении вещественных доказательств законным владельцам (статья 86 УПК РФ).

C. Рекомендация Совета Европы

33. Рекомендация № 21 2000 года Комитета министров Совета Европы государствам — участникам Совета Европы по вопросу о свободе осуществления адвокатами своих профессиональных обязанностей среди прочего предусматривает следующее:

«Принцип I — Общие принципы свободы осуществления адвокатами своих профессиональных обязанностей <...> 6. Должны приниматься все необходимые меры для обеспечения уважения к тайне взаимоотношений между адвокатом и его доверителем. Исключения из этого принципа допускаются только в тех случаях, когда они отвечают принципу верховенства права».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

34. В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что обыск, произведенный по месту его жительства, нарушил требования статьи 8 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение <...> его жилища <...>».

¹ Далее — УПК РФ (примечание редакции).

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

35. Государство-ответчик оспорило эту позицию заявителя.

А. Вопрос о том, имело ли место вмешательство государства в осуществление заявителем своих прав

36. Европейский Суд замечает, что обыск и изъятие, произведенные на основании постановления следователя, касались жилых помещений, занимаемых заявителем, где он держал свой компьютер и определенные материалы, связанные с работой. Европейский Суд последовательно интерпретировал понятие «жилище», содержащееся в пункте 1 статьи 8 Конвенции, как распространяющееся на жилища частных лиц и служебные помещения лиц, занятых в свободных профессиях (см. постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии» [*Buck v. Germany*], жалоба № 41604/98, § 31, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-IV; постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимиц против Германии» [*Niemietz v. Germany*], серия «А», № 251-В, с. 33—34, § 29—31). Из этого следует, что в настоящем деле властями государства-ответчика было допущено вмешательство в осуществление заявителем права на уважение к его жилищу.

В. Вопрос о том, было ли вмешательство оправданным

37. Далее Европейскому Суду надлежит установить, было ли вмешательство государства в осуществление заявителем права на уважение к его жилищу оправданным в силу пункта 2 статьи 8 Конвенции, то есть было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или более правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения таковой цели или таковых целей.

1. *Вопрос о том, было ли вмешательство «предусмотрено законом»*

38. Заявитель утверждал, что вмешательство не было «предусмотрено законом», потому что обыск был санкционирован заместителем прокурора г. Санкт-Петербурга, а не судом, как это требуется по Конституции Российской Федерации. Европейский Суд замечает, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации в осуществление права гражданина на уважение к его жилищу можно вмешиваться в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который в российской правовой системе имеет статус федерального закона, возложил полномочие на вынесение постановлений о производстве обысков на следователей, при этом обыск может производиться только с санкции прокурора (см. выше, пункт 27 настоящего постановления). Европейский Суд признаёт, что в этом вопросе в настоящем деле были соблюдены требования уголовно-процессуального законодательства и что вмешательство государства в осуществление заявителем

права на уважение к его жилищу было поэтому «предусмотрено законом».

2. *Вопрос о том, преследовало ли вмешательство правомерную цель*

39. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что вмешательство государства в осуществление прав заявителя преследовало правомерную цель защиты прав и свобод других лиц.

40. Европейский Суд отмечает, что цель обыска, как указывалось в постановлении следователя, состояла в обнаружении вещественных доказательств, которые представляли интерес для расследования тяжких преступлений. Соответственно, обыск преследовал правомерные цели поддержания общественного порядка, предотвращения беспорядков или преступлений и защиты прав и свобод других лиц.

3. *Вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»*

41. Заявитель утверждал, что его квартира подверглась обыску с целью получить доказательства против его доверителей, включая г-на С., г-на Ю., г-на Б. и многих других, и получить доступ к компьютерным файлам, содержащим информацию о его доверителях. Обыск нарушил адвокатскую тайну, и после него последовал официальный допрос, в ходе которого следователь Д. расспрашивал его об обстоятельствах, ставших заявителю известными как представителю своих доверителей.

42. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что решение о производстве обыска в квартире заявителя было принято на основании свидетельских показаний, а обыск был необходим, потому что «предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу № 7806», могли быть обнаружены в квартире заявителя. Заявитель не возражал против производства обыска.

43. Согласно устоявшимся нормам прецедентной практики Европейского Суда понятие «необходимость» вмешательства государства в осуществление прав человека предполагает, что таковое вмешательство отвечает настоящей социальной необходимости и, в частности, что оно пропорционально преследуемой государством правомерной цели. Определая, был ли акт вмешательства «необходимым в демократическом обществе», Суд за Высокими Договаривающимися Сторонами сохраняется свобода усмотрения в определенных рамках (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 16 декабря 1997 г. по делу «Камензинд против Швейцарии» [*Camenzind v. Switzerland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-VIII, с. 2893, § 44). Однако исключения, предусмотренные в пункте 2 статьи 8 Конвенции, надлежит толковать узко, а необходимость прибегать к ним по конкретному делу, должна быть со всей убедительностью установлена (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 44).

44. Что касается, в частности, производства обысков помещений и изъятий, то Европейский Суд последовательно указывал, что Высокие Договаривающиеся Стороны вправе считать необходимым прибегать к таким мерам для получения вещественных доказательств совершения определенных преступлений. Суд оценит тогда, были ли основания для применения таковых мер «важными» и «достаточными», и был ли соблюден вышеупомяну-

тый принцип пропорциональности применяемых мер. Что касается последнего тезиса, то Суд должен сначала удостовериться, что действующее законодательство и правоприменительная практика предоставляют гражданам адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений властью. Во-вторых, Суд должен изучить конкретные обстоятельства каждого дела с тем, чтобы установить, был ли акт вмешательства государства в осуществление прав человека в конкретном деле пропорциональным преследуемой при этом цели. Критерии, которыми руководствуется Суд при разрешении этого последнего вопроса, являются — среди прочих — обстоятельства, при которых выдавался ордер на обыск, в частности, наличие дополнительных доказательств на момент издания ордера; содержание и сфера действия ордера на обыск; способ производства обыска, включая присутствие независимых наблюдателей при производстве обыска; масштабы возможных последствий обыска, которые могут отразиться на работе и репутации лица, у которого производится обыск (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 45; постановление Европейского Суда от 30 марта 1989 г. по делу «Чэппел против Соединенного Королевства» [*Chappell v. the United Kingdom*], серия «А», № 152-А, с. 25, § 60; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Камензинд против Швейцарии», с. 2894—2895, § 46; постановление Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» [*Funke v. France*], серия «А», № 256-А, с. 25, § 57; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35—36, § 37).

45. Что касается гарантий против злоупотреблений властью при производстве обысков, существующих в российском законодательстве, то Европейский Суд замечает: в отсутствие требования о получении предварительной санкции суда на производство обыска следственные органы располагают неограниченным усмотрением при оценке целесообразности и масштабов обыска и изъятие. В своих постановлениях по делам «Функе против Франции», «Кремьё против Франции» [*Crémieux v. France*] и «Миай против Франции» [*Miaillhe v. France*] Суд установил, что ввиду, главным образом, отсутствия судебного ордера, «ограничения и условия, предусмотренные законом, <...> представляются слишком неопределенными и полными лазеек для вмешательства в осуществление прав заявителя, которое по этой причине нельзя считать строго пропорциональным преследуемой государством правомерной цели», и постановил, что по данным делам государством-ответчиком было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Функе против Франции», а также постановления Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делам «Кремьё против Франции» и «Миай против Франции (№ 1)», серия «А», № 256-В и 256-С). В настоящем деле, однако, отсутствие предварительно изданного судебного ордера на обыск и изъятие в определенной степени было сбалансировано имевшейся у заявителя возможностью обжаловать решения и действия следователя в судебном порядке после производства обыска. Заявитель мог обратиться с жалобой в суд (что он и сделал), который был призван проверить законность и обоснованность постановления на производство обыска. Реальная эффективность такой проверки, проведенной национальными судами, будет рассмотрена при дальнейшем анализе необходимости вмешательства.

46. Европейский Суд замечает, что самому заявителю не было предъявлено обвинение в совершении какого-либо преступления или противозаконной деятельности, не был

он и подозреваемым по уголовному делу. С другой стороны, заявитель представил документы, показывающие, что он в разное время представлял интересы четырех лиц по уголовному делу № 7806, в связи с которым было издано постановление о производстве обыска. В этих обстоятельствах Суд выражает особую озабоченность по поводу того, что, когда было издано постановление о производстве обыска в квартире заявителя, не было принято никаких мер по обеспечению конфиденциальности материалов, защищенных адвокатской тайной.

47. Постановление о производстве обыска было составлено в самых широких выражениях с неконкретизированным указанием на «любые предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу [№ 7806]», без каких-либо ограничений круга отыскиваемых предметов и документов. Данное постановление не содержало никакой информации о проводимом расследовании, цели обыска или причинах, ввиду которых предполагалось, что обыск в квартире заявителя поможет отыскать доказательства какого-либо преступления (сравните с упоминавшимся выше постановлением Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35—35, § 37, и постановлением Европейского Суда от 15 июля 2003 г. по делу «Эрнст и другие заявители против Бельгии» [*Ernst and Others v. Belgium*], жалоба № 33400/96, § 116). Только после того, как сотрудники милиции вошли в квартиру заявителя, ему было предложено выдать «документы, относящиеся к деятельности открытого акционерного общества “Т.” и федеральной финансово-промышленной группы “Р.”». Однако, ни в постановлении о производстве обыска, ни в устных заявлениях сотрудников милиции не содержалось указаний, почему документы, касавшиеся вопросов предпринимательской деятельности двух частных компаний, — в которых сам заявитель не занимал никакой должности, — должны были бы быть найдены в жилом помещении, занимаемом заявителем (сравните с упоминавшимся выше постановлением Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 50). Последующая судебная проверка законности производства обыска не дала ничего в смысле восполнения пробелов в неполном обосновании необходимости производства обыска. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга ограничил свой вывод о том, что постановление о производстве обыска было оправданным, указанием на четыре поименованных документа и другие неидентифицированные материалы, не дав при этом описания содержания ни одного из них (см. выше, пункт 22 настоящего постановления). Октябрьский районный суд не дал никакого указания касательно относимости упомянутых им материалов, и, более того, два документа из четырех появились после того, как обыск был произведен. Европейский Суд находит, что национальные власти не выполнили свою обязанность указать «важные и достаточные» основания для вынесения постановления о производстве обыска.

48. Что касается способов производства обыска, то Европейский Суд далее замечает, что чрезмерно широкие выражения, в которых было сформулировано постановление о производстве обыска, предоставили сотрудникам милиции неограниченное усмотрение при определении, какие документы «представляли интерес» для расследования по уголовному делу; в результате был произведен обширный обыск и затем изъятие. В круг изъятых материалов входили не только те, что имели отношение к предпринимательской деятельности двух частных компаний: помимо них сотрудник милиции забрал личную записную книжку заявителя, центральный блок его компьютера и другие материалы, включая доверенность от имени его доверителя на ведение гражданского дела, не

связанного с данным уголовным делом, и черновик процессуальной записки по другому делу. Как было указано выше, при проведении обыска не было никаких гарантий против нарушения адвокатской тайны, такой, как, например, запрет на выемку документов, на которые распространяется адвокатская тайна, или наблюдение за обыском со стороны независимого наблюдателя, способного указать — независимо от группы должностных лиц следствия, производивших обыск, — на какие документы распространяется адвокатская тайна (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 2005 г. по делу «Саллинен и другие заявители против Финляндии» [*Sallinen and Others v. Finland*], жалоба № 50882/99, § 89, и решение Европейского Суда по делу «Тамосиус против Соединенного Королевства» [*Tamosius v. the United Kingdom*], жалоба № 62002/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VIII). С учетом характера материалов, которые были осмотрены и изъяты, Суд находит, что обыск посягнул на адвокатскую тайну в такой степени, которая была непропорциональной какой-либо правомерной цели, преследовавшейся обыском и изъятием. Суд вновь подтверждает в этой связи, что в тех случаях, когда речь идет об адвокате, посягательство на адвокатскую тайну может иметь отрицательные последствия для надлежащего отправления правосудия и тем самым — для прав, гарантированных статьей 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35—36, § 37).

49. Суммируя указанное, Европейский Суд считает, что обыск, произведенный без важных и достаточных оснований и в отсутствие гарантий против нарушения адвокатской тайны на квартире заявителя, который не обвинялся в совершении какого-либо преступления, но представлял интерес обвиняемых по тому же уголовному делу, не был «необходимым в демократическом обществе». Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

50. В контексте положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции заявитель жаловался в Европейский Суд на нарушение его права собственности, выразившееся в изъятии и удержании властями его документов и компьютера. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях в Европейский Суд

51. В своем обращении в Европейский Суд заявитель указал, что изъятие центрального блока компьютера являлось актом непропорционального вмешательства государства в осуществление заявителем его права собственности и воз-

ложило на него чрезмерное бремя. Центральный блок его компьютера сам по себе не мог быть использован как доказательство по уголовному делу, потому что он не был орудием совершения какого-либо преступления, предметом, имеющим отношение к преступлению, или результатом совершения преступления и не нес на себе никаких следов какого-либо преступления. Кроме того, информация, хранившаяся в центральном блоке его компьютера, не могла иметь никакого доказательственного значения, потому что центральный блок компьютера находился в распоряжении органов государственного обвинения длительное время, и информация, хранившаяся в нем, могла быть стерта или изменена. Заявитель согласен с соображениями, изложенными в судебном постановлении, вынесенном 19 апреля 2000 г. По его мнению, органам государственного обвинения надлежало бы подчиниться этому постановлению, а не обжаловать его в вышестоящий суд. Заявитель утверждал, что действительная цель изъятия состояла в том, чтобы создать препятствия его адвокатской деятельности. Незаконное удержание его компьютера лишило его доступа более чем к двумстам файлам с информацией, касающейся его доверителей, и пагубно отразилось на его адвокатской практике в целом. Наконец, заявитель указал, что в конце концов он получил назад свою записную книжку и некоторые документы.

52. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что центральный блок компьютера заявителя был опечатан с тем, чтобы не допустить утраты информации, и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства по уголовному делу № 7806. Рассмотрение данного уголовного дела еще не завершено. Документы заявителя и центральный блок компьютера будут храниться в Санкт-Петербургском городском суде до момента вынесения приговора по уголовному делу. Соответственно, право заявителя на использование своей собственности было ограничено в интересах общества с целью установления истины по уголовному делу № 7806.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

53. Европейский Суд замечает, что вслед за обыском жилища заявителя последовало изъятие определенных документов, его записной книжки и центрального блока его компьютера — то есть той части компьютера, в которой находятся жесткие диски с записанной на них информацией. Поскольку заявитель в конце концов вернул себе свою записную книжку и документы, Суд ограничит свой анализ вопросом о соответствии удержания властями компьютера по настоящее время праву заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом, гарантируемому статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

54. Не вызывает сомнения тот факт, что заявитель был законным владельцем компьютера; иными словами — компьютер был его «имуществом». Следователь постановил, что компьютер будет удерживаться властями как вещественное доказательство по уголовному делу до того момента, когда суд первой инстанции вынесет приговор по уголовному делу, в котором, в частности, разрешается вопрос, как поступить с вещественными доказательствами. Европейский Суд считает, что данная ситуация должна быть оценена с точки зрения права государства осуществлять контроль за использованием собственности в соответствии с общими интересами.

55. Первое и наиболее важное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции состоит в том, что любой акт вмешательства государственного органа в осуществление права человека на беспрепятственное пользование

- своим имуществом должен быть законным. В частности, пункт 2 статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, признавая, что государства наделены правом осуществлять контроль за использованием собственности, оговаривает это их право условием, что оно реализуется посредством исполнения «законов». Кроме того, принцип законности предполагает, что применяемые нормы национального законодательства являются в достаточной степени доступными, точно сформулированными и предсказуемыми при их применении (см., например, постановление Европейского Суда от 9 июня 2005 г. по делу «Бакланов против России» [*Baklanov v. Russia*], жалоба № 68443/01, § 39—40, с дальнейшими ссылками).
- 56.** Европейский Суд замечает, что решение об удержании компьютера властями основывалось на нормах Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регламентирующих порядок обращения с вещественными доказательствами по уголовному делу (см. выше, пункты 31 и 32 настоящего постановления). Следователь располагал свободой усмотрения для того, чтобы распорядиться об удержании властями любого предмета, который он считал представляющим интерес для расследования по уголовному делу, как и произошло в случае с компьютером заявителя. Европейский Суд сомневается в том, что такое широкое усмотрение, которому не сопутствует эффективный надзор суда за законностью решений и действий следователя, прошло бы проверку на «качество закона», однако Суд не видит необходимости в детальном исследовании данного тезиса по следующим основаниям.
- 57.** Европейский Суд приемлет то, что удержание властями вещественных доказательств может оказаться необходимым в интересах надлежащего отправления правосудия, что является «правомерной целью» в «общих интересах» населения. Суд замечает, однако, что должно также существовать разумное соотношение пропорциональности между используемыми средствами и целью, преследуемой государством с помощью любых применяемых им мер, включая меры, предназначенные для контроля за использованием гражданином своей собственности. Это требование выражено в понятии «справедливое равновесие», которое должно быть установлено между требованиями соблюдать общие интересы населения и требованиями охраны фундаментальных прав личности (см. постановление Европейского Суда от 24 октября 2006 г. по делу «Эдвардс против Мальты» [*Edwards v. Malta*], жалоба № 17647/04, § 69, с дальнейшими ссылками).
- 58.** Европейский Суд согласен с утверждением заявителя — не оспоренным государством-ответчиком — что сам компьютер не был орудием совершения какого-либо преступления, предметом, имеющим отношение к преступлению, или результатом совершения преступления (сравните с постановлением Европейского Суда от 24 марта 2005 г. по делу «Фризен против России» [*Friзен v. Russia*], жалоба № 58254/00, § 29—31). Что было ценно для следствия и представляло для него интерес, это — информация, хранившаяся на жестком диске компьютера. Из постановления Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 апреля 2000 г. следует, что данная информация была изучена следователем, распечатана и приобщена к материалам уголовного дела (см. выше, пункт 15 настоящего постановления). В этих обстоятельствах Европейский Суд не может усмотреть никакой очевидной причины для продолжающегося удержания властями центрального блока компьютера. Ни одной таковой причины не было представлено в ходе судебных разбирательств внутри страны или в Европейском Суде. Тем не менее компьютер удерживается национальными властями по сей день, то есть в течение бо-

лее шести лет. Европейский Суд отмечает в этой связи, что компьютер был рабочим инструментом заявителя, который он использовал для составления юридических документов и хранения файлов с информацией, касающейся его доверителей. Удержание властями компьютера не только причинило заявителю личное неудобство, но также воспрепятствовало его профессиональной деятельности; это — как отмечалось выше — могло бы иметь отрицательные последствия для отправления правосудия.

- 59.** Учитывая вышеизложенные соображения, Европейский Суд находит, что российские власти не установили «справедливое равновесие» между требованиями соблюдать общие интересы и требованиями защиты права заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом. Поэтому властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ВМЕСТЕ СО СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

- 60.** В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что — в нарушение требований статьи 13 Конвенции — у него не было какого-либо эффективного средства правовой защиты, что касается незаконного ограничения его права собственности, предусмотренного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Статья 13 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях в Европейский Суд

- 61.** Заявитель в своих представлениях Европейскому Суду указал, что пределы изучения поданных им в российские суды жалоб были ограничены вопросом о законности и обоснованности проведенного у него дома обыска национальные суды. Что же касается его жалоб относительно лишения собственности, то суды установили, что им такого рода жалобы не подведомственны. По его мнению, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. должно быть истолковано как открывающее возможности для судебной проверки законности и обоснованности всех решений, затрагивающих права собственности гражданина. Заявитель подчеркнул, что его гражданский иск с требованием выплатить компенсацию за моральный вред под различными предлогами не рассматривается в суде в течение более четырех лет.
- 62.** Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что у заявителя имелась возможность обжаловать в суде постановление об обыске, и его жалобы были судом рассмотрены и оставлены без удовлетворения (19 декабря 2000 г. в окончательном постановлении). Кроме того, гражданский иск заявителя против прокуратуры г. Санкт-Петербурга и Министерства финансов Российской Федерации с требованием выплатить компенсацию за моральный вред, причиненный ему в результате изъятия принадлежащего ему имущества, все еще находится в производстве Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

- 63.** Европейский Суд последовательно толковал статью 13 Конвенции как требующую, чтобы в национальном законодательстве предусматривалось бы средство правовой защиты в отношении жалоб, которые могут считаться «доказуемыми» в значении положений Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 27 апреля 1988 г. по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» [*Boyle and Rice v. the United Kingdom*], серия «А», № 131, с. 23—24, § 54). В настоящем деле был установлен факт нарушения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, и пункт жалобы заявителя в контексте статьи 13 Конвенции должен быть поэтому рассмотрен. Соответственно необходимо определить, предоставила ли заявитель российская правовая система какое-либо «эффективное» средство правовой защиты, позволяющее компетентному «государственному органу» и рассмотреть жалобу и надлежащим образом удовлетворить заявленное правопритязание (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Камензинд против Швейцарии», с. 2896—2897, § 53).
- 64.** Заявитель ходатайствовал о проведении судебной проверки законности обыска и выемки, произведенных по месту его жительства, а также судебной проверки законности решения об удержании властями его компьютера в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. В то время как национальные суды рассмотрели жалобу заявителя относительно обыска и изъятия, они объявили неприемлемой для рассмотрения по существу его жалобу на невозвращение компьютера на том основании, что решение об удержании властями изъятых при обыске не подлежит обжалованию в судебном порядке (см. выше, пункт 22 и следующие за ним пункты настоящего постановления). Вместо этого заявителю было предложено обратиться с жалобой к вышестоящему прокурору. В этой связи Европейский Суд вновь подтверждает положения своей устоявшейся прецедентной практики относительно того, что обращение с жалобой по служебной иерархии к вышестоящему прокурору не наделяет лицо, обращающееся с такой жалобой, личным правом на приведение в действие надзорных полномочий государства и по этой причине такое обращение не является «эффективным средством правовой защиты» (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Хорват против Хорватии» [*Horvat v. Croatia*], жалоба № 51585/99, § 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII).
- 65.** Что касается гражданского иска о взыскании компенсации за моральный вред, находящегося ныне в производстве суда, на который ссылается государство-ответчик, то Европейский Суд отмечает: суд по гражданским делам не правомочен проверять законность решения, вынесенного следователем по уголовному делу.
- 66.** Из вышесказанного следует, что в этих обстоятельствах в распоряжении заявителя не имелось «эффективного» средства правовой защиты в государственном органе» в отношении его жалобы по поводу нарушения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нару-

шение требований статьи 13 Конвенции, взятой вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

67. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

- 68.** Европейский Суд указывает, что в соответствии с правилом 60 Регламента Европейского Суда какие-либо требования о выплате справедливой компенсации должны быть изложены в перечне с разбивкой по пунктам и представлены в письменном виде с приложением соответствующих подтверждающих документов или расписок, «при невыполнении чего Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично».
- 69.** В письме от 5 июля 2005 г., после того, как жалоба заявителя была объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу, Европейский Суд предложил заявителю представить свои требования о выплате справедливой компенсации до 7 сентября 2005 г. Заявитель не представил никаких подобных требований в указанный срок.
- 70.** В этих обстоятельствах, Европейский Суд не присуждает заявителю никакой компенсации в порядке применения статьи 41 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции;
2. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
3. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции, взятой вместе со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции;
4. решил не присуждать заявителю компенсацию в порядке применения статьи 41 Конвенции.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 7 июня 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Сорен Нильсен,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

Перевод с английского языка.
© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»